

Научная статья

УДК 82.09

DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-422-438

**Русская литературная критика
в аспекте методологии когнитивизма**

Наталья Владимировна Володина

Череповецкий государственный университет
Череповец, Россия

rusfilolog@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9928-3765>

Аннотация

Когнитивное литературоведение – современное научное направление, методология которого направлена на изучение литературы как особого вида ментальной деятельности. Если рассматривать критику как пограничное явление, близкое научному и художественному дискурсу, то в ней можно увидеть те же познавательные и мыслительные процессы, которые характеризуют собственно художественное творчество. Однако в критике они приобретают «вторичный», металитературный характер, ибо предметом познания для нее становится литература, а целью – ее интерпретация и оценка. Анализ литературной критики с позиции методологии когнитивизма позволяет выявить определенные когнитивные механизмы критики, вовлеченные в этот процесс. В статье в этом качестве рассматриваются явления «транспортиции», «встраивания», «категоризации», «метафоризации» – на материале русской литературной критики XIX в.

Ключевые слова

когнитивное литературоведение, русская литературная критика девятнадцатого века, когнитивные механизмы критики

Для цитирования

Володина Н. В. Русская литературная критика в аспекте методологии когнитивизма // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 422–438. DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-422-438

© Володина Н. В., 2022

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 422–438

Critique and Semiotics, 2022, no. 1, pp. 422–438

Russian Literary Criticism in the Aspect of Cognitivism Methodology

Nataliya V. Volodina

Cherepovets State University
Cherepovets, Russian Federation
rusfilolog@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9928-3765>

Abstract

Cognitive literary studies is a modern scientific direction, the methodology of which is aimed at studying literature as a special type of mental activity. If the criticism is considered as a borderline phenomenon that is close to scientific and artistic discourse, then we can see in it the same cognitive and thought processes that characterize artistic creativity itself. Though in criticism they take on a “secondary”, meta literary nature as the subject matter of criticism becomes literature, and the goal is its interpretation and evaluation. The analysis of literary criticism that is seen in terms of cognitivism methodology makes it possible to identify certain cognitive mechanisms of criticism that are involved in this process. The article considers the phenomena of “transportation”, “embedding”, “categorization”, “metaphorization” and “interpretation” as these cognitive mechanisms of criticism, based on the materials of Russian literary criticism of the nineteenth century.

Keywords

cognitive literary studies, the Russian literary criticism of the 19th century, cognitive mechanisms of criticism

For citation

Volodina N. V. Russian Literary Criticism in the Aspect of Cognitivism Methodology. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 1, pp. 422–438. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-422-438

При возникновении нового научного метода или подхода к изучению литературы неизбежно возникают вопросы об их целесообразности: не претендует ли новая методология на монополию и не является ли новый терминологический аппарат эквивалентом уже существующего? Предвидя эти закономерные сомнения, теоретики когнитивной науки о литературе подчеркивают, что ее осмысление с когнитивной точки зрения направлено «скорее на дополнение, чем на замену современных подходов и методоло-

гий, опирающихся на исторические и другие контекстуальные исследования литературного прошлого»¹ [Richardson, 2002, p. 3].

Когнитивное литературоведение – это только еще формирующееся направление в науке, преимущественно европейской и американской, в отличие от давно упрочившейся в качестве научной дисциплины когнитивной лингвистики. Е. С. Кубрякова, пишет, что когнитивная наука междисциплинарна и представляет собой зонтичный термин для целого ряда наук: «Уже сложились такие дисциплины, как когнитивная антропология, когнитивная социология и даже когнитивное литературоведение, т. е. почти в каждой гуманитарной науке выделилась специальная область, связанная с применением когнитивного подхода и когнитивного анализа к соответствующим объектам данной науки» [Кубрякова, 2004, с. 10–11]. Примечательно использование здесь усилительно-выделительной частицы «даже» применительно к литературоведению.

Направления, существующие в сфере когнитивного исследования литературы, настолько разнообразны (когнитивная поэтика, нарратология, риторика, стилистика и пр.), что их невозможно привести к одному знаменателю. Тем не менее, разные исследователи сближаются в определении философско-эстетической концепции этого научного подхода. Д. Н. Ахапкин [2017], обобщая их наблюдения, приходит к выводу, что знаковыми вопросами для когнитивных исследований на рубеже тысячелетий стали вопросы о том, «как работает сознание» и «как мы думаем». Основой для когнитивного изучения литературы становится, как пишет Е. В. Лозинская, «представление о ней как о ментальной сущности» [2004, с. 182], иначе говоря, как особом способе познания и мышления. Конечно, такое понимание природы художественного творчества возникло не сегодня. Если обратиться к традиции отечественного литературоведения, то следует отметить, что уже русская литературная критика XIX в., со свойственной ей теоретической рефлексией и философичностью, говорила об этой особенности творческого процесса. Сошлюсь в качестве частного примера на статью М. Н. Каткова о Пушкине, где высказан целый ряд подобных суждений: «Поэзия есть прежде всего одна из форм нашего сознания. Это особого рода мышление; это умственная деятельность» [Катков, 1982, с. 375]; «Это именно те сферы, где мышление слагает с себя, говоря схоластическим термином, *дискурсивный* характер и принимает характер созерцания...» [Там же]. В русском академическом литературоведении XIX в.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н. В.

анализ художественной литературы с точки зрения ее ментальной природы – одно из главных направлений исследований А. А. Потебни. «Поэзия, как и проза, – пишет он, – есть, прежде всего и главным образом, известный способ мышления и познания...» [1976, с. 365] и т. д. В отечественной науке второй половины XX в. принципиально важными в формировании этого научного подхода являются исследования ученых тартуско-московской структурно-семиотической школы. Они начинают рассматривать литературный текст как мыслящее устройство, способное вырабатывать, передавать и хранить информацию; причем, устройство самого высокого уровня. «Если мы определяем думающее устройство как интеллектуальную машину, – пишет Ю. М. Лотман, – то идеалом такой машины будет совершенное художественное произведение...» [1992, с. 33].

Для современного когнитивного литературоведения именно этот подход оказался доминирующим. Будучи направлено на изучение литературы как особого вида ментальной деятельности, оно рассматривает характерные для художественного творчества познавательные и мыслительные процессы, трансформируемые эстетической модальностью: восприятие, воображение, метафоризацию, ассоциативность, обобщение, концептуализацию и др., а также формы ментальных репрезентаций, прежде всего концепт и когнитивную метафору.

Когда речь идет о когнитивном литературоведении, то, по сути, имеется в виду методология, сформировавшаяся в рамках теории и истории литературы (если воспользоваться принятой в русском литературоведении терминологией), направленная на изучение художественного творчества. Выскажем предположение, что эта методология может быть использована также в изучении литературной критики. Уточним, что понятие «критика» в англоязычной традиции чаще всего употребляется как синоним науки о литературе. Так, например, А. Ричардсон, имея в виду когнитивную науку о литературе, пишет: «Разрозненные попытки наладить связи между литературными исследованиями и когнитивной наукой, часто изолированные друг от друга, в настоящее время дополняются более согласованными и систематическими усилиями в возникающей области, в общем смысле определяемыми как когнитивная литературная критика» [Richardson, 2002, p. 2]. В отечественном литературоведении критика рассматривается и как его составная часть, наряду с теорией и историей литературы, и как самостоятельная дисциплина, хотя и органично связанная с двумя другими. Однако критика может восприниматься не только в рамках собственно научной парадигмы. Присоединимся к точке зрения исследователей, кото-

рые исходят из понимания особой природы литературной критики: с одной стороны, соотносящейся с научным дискурсом (теорией и историей литературы), с другой – с художественным творчеством.

Б. Ф. Егоров писал о том, что критик неизбежно испытывает влияние самой литературы: «...часто в критической статье произведение или образ оказывается заново осмысленным и как бы заново рожденным» [1980, с. 10]. Неслучайно в русской и европейской науке не раз возникало сближение критика с писателем. Как отмечает Ж. Женетт, «книга критика <...>, помимо всего прочего, сама является книгой, а ее автор по-своему, хотя бы в некоторой мере принадлежит к числу тех людей, кого Ролан Барт называет писателями» [1998, с. 96]. Собственно, об этом же говорят и сами критики. Приведу суждение Ап. А. Григорьева: «Критик (я разумею здесь настоящего, призванного критика, а таковых было немного) есть половина художника...» [1990, с. 21]. Природа литературной критики отчасти обусловлена теми же познавательными и мыслительными процессами, которые характеризуют собственно художественное творчество. Однако в критике они приобретают «вторичный», металитературный характер, ибо предметом познания для нее становится литература, а целью – ее интерпретация, что неизбежно обуславливает наличие в критике научной составляющей. Всё это позволяет анализировать критику с разных научных позиций, в том числе с точки зрения методологии когнитивизма.

Рассмотрение критики в этом аспекте может быть направлено на изучение как ментальной природы критики, так и способов истолкования и оценки ею литературных явлений, обусловленных ее двойственной природой. Это позволяет выявить определенные когнитивные механизмы критики, вовлеченные в этот процесс. Универсальное понятие «когнитивный механизм», используемое в философии, психологии, лингвистике и когнитивной поэтике, дает представление о свойственных человеку особенностях восприятия, способах анализа и концептуализации явлений действительности. Современные исследователи говорят, в частности, о возможности изучения «когнитивных механизмов читательского восприятия текста» [Тарасова, 2016, с. 20].

Учитывая, что когнитивные механизмы критики практически не изучены, воспользуемся, с известной долей условности, понятиями, которые когнитивное литературоведение применяет для объяснения читательской реакции. Естественно, что в критике она приобретает осознанный и профессиональный характер. Для объяснения когнитивных механизмов критики необходимо обратиться также к терминологии когнитивной лингвис-

тики, многие категории которой имеют междисциплинарный характер. В качестве наиболее употребительных терминов для исследования критики в когнитивном аспекте назовем следующие понятия: категоризация, концептуализация, оперирование прототипами, встраивание, транспортиция, метафоризация. Эти понятия включены в статьи Оксфордского справочника по когнитивному литературоведению [Zunshine, 2015], а также в «Краткий словарь когнитивных терминов» под редакцией Е. С. Кубряковой [Кубрякова и др., 1996].

Рассмотрим несколько конкретных когнитивных механизмов литературной критики и свойственных ей ментальных репрезентаций – на примере русской литературной критики XIX в.

Транспортиция – термин, распространенный в современной когнитивной нарратологии, обозначающий перенесение в мир воспринимаемого текста (см.: [Green, Brock, 2000; Green, 2004]).

Этот способ интерпретации текста напрямую связан со способностью критика к воображению, восприятию литературного текста как реальности, в которую он погружен. В большой мере эти качества свойственны критикам, которые одновременно являются писателями. У художника воображение направлено на создание новых, оригинальных образов. При этом всякое создание воображения, как пишет Л. С. Выготский, «всегда строится из элементов, взятых из действительности и содержащихся в прежнем опыте человека» [Словарь Л. С. Выготского, 2007, с. 28]. У критика, как и читателя, воображение связано с уже существующими в тексте образами и картинками, которые приобретают в его сознании новые, дополнительные признаки, рождают визуальные и слуховые ощущения и т. д. Воображение, отмечают ученые-когнитивисты, «только недавно стало серьезной темой для исследования в когнитивных науках» [Richardson, 2015, p. 225]; тем менее разработанной эта тема остается для характеристики литературной критики.

Проиллюстрирую этот когнитивный механизм критики примером из статьи Н. Д. Ахшарумова, посвященной роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» («Всемирный труд», 1867, № 3). Н. Д. Ахшарумов не только критик, но известный в свое время беллетрист, причем, на раннем этапе творчества испытавший влияние Достоевского. Индивидуальность его критического метода (близкого эстетическому направлению) больше всего проявляется в органичном сочетании аналитического начала и художественного видения текста, позволяющего ему создавать собственные образы и картины, соотносимые, конечно, с романом Достоевско-

го. В начале статьи возникает иллюзия присутствия субъекта рассказывания внутри художественного мира, созданного Достоевским. Поэтому вместо ожидаемого «реального автора» здесь появляется нарратор, который буквально погружен в атмосферу большого города, оказавшуюся столь губительной для героя романа «Преступление и наказание». Ахшарумов сохраняет только две текстовые номинации из описания летнего дня, с которого начинается роман: «жара» и «духота». Всё остальное – результат его воображения: «Знойное лето, жара, духота нестерпимая, в воздухе ни одной струйки свежести... Мы бродим, сами не зная, зачем, то туда, то сюда; мы попали в безвыходный круг, в лабиринт глухих закоулков жизни, грязных дворов, тёмных, извилистых коридоров, вонючих лестниц... Уродливые фигуры попадают на нас навстречу и дико косятся на нас, выглядывают на нас из полуоткрытых дверей, из окон, из-за углов» [Ахшарумов, 2019, с. 147]. Более того, нарратор не только видит себя рядом с Раскольниковым, но едва ли не чувствует себя на его месте: «Мы пришли наконец туда, дальше чего нельзя идти – мы видим у себя под ногами пропасть... На крайнем её рубеже стоит человек, который нас звал и тянул за собой. Он силится устоять и хватает нас за руку; но ноги его скользят и крови... Вместе с его ногами скользят и наши... Мы слились с ним; мы не можем себя отделить от него, несмотря на то, что он гадок нам...» [Там же, с. 148]. Отделив, наконец, себя от героя, критик последовательно рассматривает события внутренней и внешней жизни Раскольникова, создавая в каком-то смысле «свой» психологический сюжет.

Отметим, что понятие «транспортиция» как научная метафора вызывает неоднозначное отношение представителей когнитивной науки. Возражения против этого термина связаны с тем, что чаще всего он предполагает идентификацию нарратора с персонажем, а «некоторые из наиболее ценных и запоминающихся произведений художественной литературы, – как пишут авторы статьи об этой научной категории, – содержат очень противоречивые, если не безусловно отталкивающие персонажи, и трудно спорить с тем, что они могут служить транспортом для некоторых читателей» [Bortolussi, Dixon, 2015, p. 532]. В качестве примеров авторы статьи ссылаются на «андеграундного человека» Достоевского», которого «вряд ли можно рассматривать как привлекательный персонаж, с кем легко отождествиться» [Ibid.]. Однако в этом случае речь идет прежде всего о «наивном читателе». Если же рассматривать транспортицию как осознанный способ перенесения автора критической статьи в текст, о котором

он пишет, думаю, следует признать релевантность этой категории для объяснения одного из когнитивных механизмов литературной критики.

Встраивание – термин, обозначающий восполнение читателем недостающей в тексте информации. Этот феномен читательского восприятия произведения не раз становился предметом научного исследования, особенно с позиций рецептивной эстетики и феноменологии. Так, Р. Ингарден писал о «пробелах и местах неполной определенности, выступающих в отдельных слоях литературного произведения» [1962, с. 82]. Воспринимаемая эту ситуацию с позиции читателя, он продолжает: «Мы устраняем их, дополняя отдельные предметы или целые предметные ситуации теми компонентами или моментами, которые мы как бы вставляем в эти места» [Там же, с. 84]. Ингарден называет это явление конкретизацией.

Этой проблеме посвящена статья Г. Портера Эббота «How Do We Read What Isn't There to Be Read?», включенная в Оксфордский справочник когнитивного литературоведения. Автор статьи рассматривает явление «встраивания» читателем пропущенной информации в контексте нарратологии и исходит из того, что в повествовании всегда есть пробелы, за которыми скрывается нечто большее рассказанной истории. Он приходит к выводу, что «эти нереализованные, обычно преходящие фрагменты являются активной частью повествовательного опыта» [Abbott, 2015, p. 104]. С точки зрения ученого, такие «виртуальные события» читателем «никогда не осознаются, а существуют как своего рода темная невесомая энергия, скрытая под словами и образами, актуализирующими историю» [Ibid.]. Ее восстановление возможно, поясняет Эббот, «...если бы мы могли просвечивать сознание читателя» [Ibid.]. В отличие от сознания читателя, способность критика к «дорассказыванию» изложенной в произведении истории может быть вербализована в тексте его статьи. Помимо воображения критик в этом случае опирается на разного рода контекстуальные связи, учитывающие логику развития характера героя и событий.

Проиллюстрируем этот критический механизм примером из статьи Д. И. Писарева «Базаров». В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» нет сведений о жизни Базарова в Петербурге. Тем не менее, критик пытается воссоздать этот «отсутствующий» фрагмент биографии тургеневского героя, используя как косвенную речь слова его отца: «Базаров сын бедного уездного лекаря; Тургенев ничего не говорит об его студенческой жизни, но надо полагать, что то была жизнь бедная, трудовая, тяжелая, отец Базарова говорит о своем сыне, что он у них отроду лишней копейки не взял; по правде сказать, многого и нельзя было бы взять даже при величайшем

желании, следовательно, если старик Базаров говорит это в похвалу своему сыну, то это значит, что Евгений Васильевич содержал себя в университете собственными трудами, перебивался копеечными уроками и в то же время находил возможность дельно готовить себя к будущей деятельности» [Писарев, 1955, с. 9]. Этот «встроенный», реконструируемый Писаревым этап жизни Базарова вполне согласуется с внутренним обликом и образом жизни персонажа. Кроме того, он необходим критику для характеристики истоков личности тургеневского героя: «Из этой школы труда и лишений Базаров вышел человеком сильным и суровым...» и т. д. [Там же].

Категоризация – философское понятие, которое в силу своей универсальности входит в понятийный аппарат разных наук. Ученые-когнитивисты объясняют это тем, что «сознание человека, осмысляя действительность, относит отдельные ее фрагменты к определенным разрядам, категориям – устанавливая общие черты с другими фрагментами и выделяя особенные черты, отличающие данную категорию от других» [Попова, Стернин, 2007, с. 88].

Д. Лакофф, рассматривая категоризацию как важнейшую базовую константу нашего мышления, называет те явления, на которые она может распространяться: «Мы производим категоризацию событий, действий, эмоций, пространственных отношений, социальных отношений и абстрактных сущностей в огромном диапазоне...» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 20]. Е. С. Кубрякова, приводит перечень мыслительных операций для описания познавательной деятельности человека, связанных с категоризацией: «сравнение, отождествление, установление сходства и подобия и т. д.» [Кубрякова и др., 1996, с. 42]. При этом все исследователи отмечают, что процесс категоризации связан с концептуализацией рассматриваемых явлений.

Такой способ познания и оценки литературных фактов, несомненно, характерен для критики, одним из традиционных приемов которой является литературная параллель. Чаще всего она используется для сопоставления персонажей, которые относятся к одному литературному типу: лишний человек, новый человек, маленький человек и др. Литературный тип при определенных условиях может трансформироваться в концепт, не переставая быть при этом собственно литературным явлением². А. И. Гер-

---

² О близости и различии понятий художественного концепта и типа см.: Володина Н. В. Концептосфера русской литературы. М.: Флинта, 2019, с. 31–32.

цен писал в статье «Еще раз Базаров»: «Мы грузим на плечи типов больше, чем они могут вынести...» [Герцен, 1981, с. 387]; однако часто именно так это и происходит.

Концепт возникает в тексте, но реконструируется читателем, ибо обладает диалогической, коммуникативной природой. Он рассчитан на знания, память и воображение читателя. В. В. Красных следующим образом объясняет различие функционирования концепта в тексте и в сознании читателя: «При порождении текста отправной точкой является концепт, который предопределяет смысловое строение текста, <...> совершенно очевидно, при восприятии текста реципиент идет в обратном направлении: от текста (его вербально выраженной формы) к концепту» [1998, с. 60–61]. Спектр смыслов, который присутствует в текстовом поле концепта, по своему воспринимается и интерпретируется реципиентом. Сохраняя в своем сознании внутреннюю форму, смысловое ядро концепта, читатель «до-страивает», реконструирует его благодаря своему когнитивному опыту, своим ассоциативным связям. В итоге собственно авторский концепт обрастает дополнительными значениями, коннотациями, образуя сложный смысловой феномен, закрепляющийся в национальном сознании, способный к актуализации и обновлению. Как правило, в этом процессе участвует литературная критика. Являясь вторичными по отношению к концептам художественного текста, «критические» концепты вступают с ним в разного рода отношения: подчиненные, диалогические, «авторитарные», пр. Покажем это на конкретном примере.

Название повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» дало «имя» тому типу героя, который был открыт русской литературой в общественной жизни первой трети XIX в. Неслучайно понятие «лишний человек» включено как в литературоведческие словари, так и во «Фразеологический словарь русского литературного языка», что позволяет говорить о нем не только как о языковом феномене, но и ментальном.

Такое восприятие этого литературного типа во многом сформировала литературная критика: работы В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, П. В. Анненкова, А. С. Глинки (Волжского), В. В. Воровского и др. Именно критика начала «выстраивать» в определенный ряд персонажей русской литературы, начиная с Евгения Онегина и заканчивая героями Чехова. Именно критика стала соотносить их с человеком определенного времени или буквально переносить в жизнь (нечто противоположное явлению транспорти).

Сближая по одним и тем же признакам совершенно разных персонажей, критика неизбежно прибегала к схематизации, делая акцент не на индивидуальном, но на общем (разлад между словом и делом, рефлексия и пр.). Приведу характерное в этом плане рассуждение Чернышевского («Русский человек на rendez-vous»): «Повсюду, каков бы ни был характер поэта, каковы бы ни были его личные понятия о поступках своего героя, герой действует одинаково со всеми другими порядочными людьми...» [1950, с. 160]. Этот литературный стереотип закрепился в общественной памяти. П. В. Анненков в статье «Литературный тип слабого человека» пишет: «Общество, имеющее литературу и взятое целиком, даже думает литературными типами <...> так что любимый публикой образ может служить барометром, по которому легко узнается состояние мысли многих тысяч людей, никогда ее не высказывавших» [2000, с. 156]. Однако если критики XIX в. независимо от их идеологической позиции, даже самой радикальной, признавали историческую роль «лишних людей», то марксистская критика начала XX в. едва ли не приветствовала исчезновение интеллигенции, которая устойчиво соотносилась этой критикой с «лишними людьми». Характерна в этом плане статья В. В. Воровского «Лишние люди», посвященная творчеству Чехова. Рисуя обобщенный портрет чеховских персонажей, Воровский начинает их перечисление с героя пьесы «Иванов», за которым, как он замечает, «мрачными рядами проходят другие, такие же “лишние люди” – Астровы, дяди Вани, Тузенбахи, злополучные “сестры”, несчастные “чайки”, владельцы “вишневых садов”, и много их, и все они угрюмые, измученные мелкими, но безысходными страданиями, и жалкие этой мелочностью своих страданий»³.

Так, начиная с XIX в., литературный тип «лишнего человека» во многом благодаря критике либо сохранялся в общественном сознании как стереотип, либо разворачивался в концепт – концепт русской культуры, который приобрел обобщающий, культурно-исторический и философский смысл.

Метафоризация. Для когнитивной науки общепризнанным является тот факт, что «метафоры ни в коем случае не являются исключительной собственностью литературы» (см.: [Bortolussi, Dixon, 2015, p. 526]). Д. Лакофф и его соавтор М. Джонсон высказали предположение, что метафора лежит в основе всех мыслительных процессов человека; является когни-

---

³ Воровский В. В. Лишние люди, 1905. URL: http://az.lib.ru/w/worowski_j_w_w/text_0040.shtm.

тивным механизмом формирования смысла текстов, а также «пронизывает всю нашу повседневную жизнь» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25].

Объектом изучения метафоры сегодня становятся тексты разного типа. Н. Д. Арутюнова рассматривает специфику метафоры в практической, научной и поэтической речи. В то же время она подчеркивает: «Метафора является органическим компонентом художественного (поэтического) текста, и ее употребление в других видах дискурса связано с тем, что и в них необходимо присутствуют элементы поэтического мышления и образного видения мира» [1990, с. 20]. Эту же функцию метафора выполняет в литературной критике. Как и метафора, присутствующая в художественном тексте, она основана на воображении критика, его способности к установлению разного рода ассоциативных связей, а также способностью к концептуализации, что сближает метафору с концептом.

Рассмотрим конкретную концептуальную метафору на примере статьи В. Г. Белинского о романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Вопреки художественной реальности событий жизни Печорина критик говорит о его будущем и потому верит в возможность внутреннего обновления главного героя романа: «Душа Печорина не каменная почва, но засохшая от зноя пламенной жизни земля, пусть взрыхлит ее страдание и оросит благодатный дождь, и она произрастит из себя пышные роскошные цветы небесной любви» [Белинский, 1978, с. 144]. Эту развернутую метафору, с одной стороны, можно воспринимать как изобразительное средство, характеризующееся романтической стилистикой. Вместе с тем лексемы *земля / почва* встречается в этой статье в совершенно другом контексте: в связи с характеристикой литературного произведения по аналогии с живым организмом или растением. Говоря о внутренней жизни, саморазвитии героя, Белинский уточняет: «Но растение связано с землею, в которой первоначально развивается и из которой получает питание, дающее ему материалы для развития и поддержания его бытия <...> которое растет из почвы и на почве, оно есть и почва, на которой растет» [Там же, с. 87]. Ассоциативные связи с образом почвы (при отсутствии самой номинации) возникают также в рассуждениях Белинского о процессе авторского замысла: «Творческая мысль, запав в душу художника, организуется в полное, целостное, оконченное, особенное и замкнутое в себя художественное произведение» [Там же, с. 87–88]. Оказавшись в столь разных контекстах мысль о рождении / возрождении, тем не менее, сближает эти суждения критика. Кроме того, идея связи почвы – растения – зерна имеет

библейские корни, скорее всего, очевидные для автора статьи, который в своих работах часто обращается к библейским текстам.

В дальнейшем, изучая ментальную природу и универсальные когнитивные механизмы литературной критики, можно выявить индивидуальные особенности познавательной и мыслительной деятельности конкретного критика. Кроме того, перспективой изучения литературной критики может стать рассмотрение отдельной статьи или творчества автора в целом с позиций когнитивного литературоведения.

Список литературы

Анненков П. В. Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской «Аси» // Анненков П. В. Критические очерки / Под ред. И. Н. Сухих. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 152–178.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Ахапкин Д. Н. Когнитивное литературоведение: от порядка к хаосу и обратно // НЛЮ. 2017. № 147. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/143-2017/32659-kognitivnoe-literaturovedenie-ot-poryadka-k-haosu-i-obratno.html> (дата обращения 13.08.2021).

Ахшарумов Н. Д. «Преступление и наказание», роман Ф. М. Достоевского // Ахшарумов Н. Д. Литературная критика и эстетика. Череповец: ЧГУ, 2019. С. 147–172.

Белинский В. Г. Герой нашего времени. Соч. М. Ю. Лермонтова // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3. С. 78–150.

Герцен А. И. Еще раз Базаров // Герцен А. И. Письма издалека. М.: Современник, 1981. С. 383–394.

Григорьев А. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А. А. Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 7–47.

Егоров Б. Ф. О мастерстве литературой критики. Жанры. Композиция. Стилль. Л.: Сов. писатель, 1980. 318 с.

Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 944 с.

Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Иностран. лит., 1962. 548 с.

Катков М. Н. Пушкин // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М.: Искусство, 1982. С. 369–400.

Красных В. В. От концепта к тексту и обратно // Вестник МГУ. Серия «Филология». 1998. № 1. С. 60–61.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с.

Лозинская Е. В. Когнитивное литературоведение // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия / Под ред. Е. А. Цургановой. М.: Intrada, 2004. С. 181–184.

Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т.: Таллин, 1992. Т. 3. С. 25–33.

Писарев Д. И. Базаров // Писарев Д. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 2. С. 7–50.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 610 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 249 с.

Словарь Л. С. Выготского. М.: Смысл, 2007. 119 с.

Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология. Методы. Саратов: Науч. кн., 2016. 221 с.

Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Гослит, 1950. Т. 5. С. 156–174.

Abbott H. How Do We Read What Isn't There to Be Read? // Zunshine L. (ed.) The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies. New York: Oxford Uni. Press, 2015. P. 85–104.

Bortolussi M., Dixon P. Challenges to the Metaphor // Zunshine L. (ed.) The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies. New York, Oxford Uni. Press, 2015, pp. 525–540.

Green M. C. Transportation into Narrative Worlds: The Role of Prior Knowledge and Perceived Realism // Discourse Processes, 2004. Vol. 38, no. 2. P. 247–266.

Green M. C., Brock T. C. The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79, no. 5. P. 701–721.

Richardson A. Literature and the Cognitive Revolution: An Introduction // Poetics Today. 2002. Vol. 23, no. 1. P. 1–8.

Richardson A. *Imagination: Literary and Cognitive Intersections* // Zunshine L. (ed.) *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. New York: Oxford Uni. Press, 2015, pp. 225–245.

Zunshine L. (ed.) *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. New York: Oxford Uni. Press, 2015.

References

Abbott H. How Do We Read What Isn't There to Be Read? In: Zunshine L. (ed.) *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. New York, Oxford Uni. Press, 2015, pp. 85–104.

Akhapkin D. N. Kognitivnoe literaturovedenie: ot poryadka k khaosu i obratno [Cognitive literary studies: from order to chaos and back again]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 147. (in Russ.) URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/143-2017/32659-kognitivnoe-literaturovedenie-ot-poryadka-k-haosu-i-obratno.html> (accessed: 13.08.2021).

Akhsharumov N. D. “Prestuplenie i nakazanie”, roman F. M. Dostoevskogo [“Crime and Punishment”, novel by F. M. Dostoevsky]. In: Volodina N. V. (ed.) *Literaturnaya kritika i estetika* [Literary criticism and aesthetics]. Cherepovets, Cherepovets State Uni. Press, 2019, pp. 147–172. (in Russ.)

Annenkov P. V. Literaturnyy tip slabogo cheloveka. Po povodu Turgenevskoy “Asi” [The literary type of a weak person. About Turgenev's “Asya”]. In: Annenkov P. V. *Kriticheskie ocherki* [Critical essays]. Ed. by I. N. Sukhikh. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2000, pp. 152–178. (in Russ.)

Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 5–32. (in Russ.)

Belinsky V. G. Geroy nashego vremeni. Sochinenie M. Yu. Lermontova [A hero of our time: the work of M. Yu. Lermontov]. In: Belinsky V. G. *Collected Works*, In 9 vols. Ed. by N. K. Gey. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1978, vol. 3, pp. 78–150. (in Russ.)

Bortolussi M., Dixon P. Challenges to the Metaphor. In: Zunshine L. (ed.) *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. New York, Oxford Uni. Press, 2015, pp. 525–540.

Chernyshevsky N. G. Russkiy chelovek na rendez-vous [Russian man on rendez-vous]. In: Chernyshevsky N. G. *Complete Works*. In 5 vols. Moscow, Goslit, 1950, vol. 5, pp. 156–174. (in Russ.)

Egorov B. F. O masterstve literaturoy kritiki. Zhanry. Kompozitsiya. Stil' [About the mastery of literary criticism. Genres. Composition. Style.]. Leningrad, 1980, 318 p. (in Russ.)

Genette J. Figury [Figures]. In 2 vols. Moscow, Sabashnikovy Publ., 1998, vol. 2, 944 p. (in Russ.)

Gertsen A. I. Eshche raz Bazarov [Bazarov once again]. In: Gertsen A. I. Pis'ma izdaleka [The letters from afar]. Ed. by N. P. Utekhin. Moscow, Sovremennik, 1981, pp. 383–394. (in Russ.)

Green M. C. Transportation into Narrative Worlds: The Role of Prior Knowledge and Perceived Realism. *Discourse Processes*, 2004, vol. 38, no. 2, pp. 247–266.

Green M. C., Brock T. C. The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, vol. 79, no. 5, pp. 701–721.

Grigoriev A. A. Kriticheskiy vzglyad na osnovy, znachenie i priemy sovremennoy kritiki iskusstva [A critical look at the basic principles, meaning and techniques of contemporary art criticism]. In: Grigoriev A. A. Sochineniya [Literary works]. In 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990, vol. 2, pp. 7–47. (in Russ.)

Ingarden R. Issledovaniya po estetike [The Literary Work of Art]. Moscow, 1962, 548 p. (in Russ.)

Katkov M. N. Pushkin. In: Kantora V. K., Ospovata A. L. (eds.) Russkaya estetika i kritika 40–50-kh godov XIX veka [Russian aesthetics and criticism of the 40s – 50s of the 19th century]. Moscow, Iskusstvo, 1982, pp. 369–400. (in Russ.)

Krasnykh V. V. Ot kontsepta k tekstu i obratno [From concept to text and back]. *The Moscow University Bulletin. Series: Philology*, 1998, no. 1, pp. 60–61. (in Russ.)

Kubryakova E. S. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2004, no. 1, pp. 6–17. (in Russ.)

Kubryakova E. S. et al. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, MSU Press, 1996, 245 p. (in Russ.)

Lakoff G., Johnson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Moscow, 2004, 256 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. *Mozg – tekst – kul'tura – iskusstvennyy intellekt* [Brain – text – culture – artificial intelligence]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i* [Selected papers]. In 3 vols. Tallin, 1992, vol. 3, pp. 25–33. (in Russ.)

Lozinskaya E. V. *Kognitivnoe literaturovedenie* [Cognitive literary studies]. In: Tsurganova E. A. (ed.) *Zapadnoe literaturovedenie XX veka* [Western literary studies of the 20th century]. Encyclopedia. Moscow, 2004, pp. 181–184. (in Russ.)

Pisarev D. I. *Bazarov*. In: Pisarev D. I. *Collected Works*. In 5 vols. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*, 1955, vol. 2, pp. 7–50. (in Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh, 2007, 249 p. (in Russ.)

Potebnya A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow, *Iskusstvo*, 1976, 610 p. (in Russ.)

Richardson A. *Literature and the Cognitive Revolution: An Introduction*. *Poetics Today*, 2002, vol. 23, no. 1, pp. 1–8.

Richardson A. *Imagination: Literary and Cognitive Intersections*. In: Zunshine L. (ed.) *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. New York, Oxford Uni. Press, 2015, pp. 225–245.

Slovar' L. S. *Vygotskogo* [Dictionary of L. S. Vygotsky]. Moscow, 2007, 119 p. (in Russ.)

Tarasova I. A. *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya. Metody* [Cognitive poetics: subject, terminology. Methods]. Saratov, *Nauchnaya kniga Publ.*, 2016, 221 p. (in Russ.)

Zunshine L. (ed.) *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. New York, Oxford Uni. Press, 2015.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Володина, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Nataliya V. Volodina, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;

одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 15.04.2022

The article was submitted 10.02.2022;

approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 15.04.2022